

УДК 523.9

А. Н. Кришталь, С. В. Герасименко, А. Д. Войцеховская

Головна астрономічна обсерваторія Національної академії наук України, Київ

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПОЯВЛЕНИЯ ПРЕДВСПЫШЕЧНЫХ ТОКОВЫХ СЛОЕВ В ХРОМОСФЕРЕ АКТИВНОЙ ОБЛАСТИ СОЛНЦА

Були досліджені умови появи і розвитку іонно-звукової нестійкості в передспалаховій плазмі петельної структури в активній області. Дослідження проводилися в рамках напівемпіричної моделі FAL сонячної атмосфери. На ділянці струмового контура петлі поблизу її основи передбачалася наявність субдрейсерівського електричного поля і паралельного йому магнітного «кілогауссового» поля. Показано, що дрібномасштабна іонно-звукова нестійкість з низьким порогом збудження по амплітуді субдрейсерівського поля може виникнути в досліджуваній області до настання фази «попереднього нагрівання». Показано, що в рамках концепції, що використовується, зниження порога збудження нестійкості можливо тільки при підвищенні ступеня неізотермічності плазми.

ВВЕДЕНИЕ

Сам факт существования токовых слоев в атмосфере активной области (АО) Солнца перед вспышкой чрезвычайно важен с точки зрения «ранней диагностики» и ее краткосрочного прогноза [4]. Несмотря на стремительный прогресс методов и средств наблюдения, необходимых свидетельств существования подобных объектов по-прежнему мало. Зато каждое надежно зафиксированное их появление вносит существенное дополнение в картину ранней стадии развития вспышечного процесса в АО [6, 14]. Так, исследования распределения радиояркости, проведенные на радиогелиографе в Нобеяме [2, 3] и в рамках миссий SOHO и TRACE [6], позволили обнаружить области первичного энерговыделения вблизи основания петель [2, 3]. Отдельные события были зафиксированы буквально за несколько минут до начала импульсной фазы [2, 3]. Известно, что наилучшее согласие величин, предсказываемых в модели ненейтрального высокотурбулентного токового слоя (ВТТС), с наблюдаемыми величинами в солнечных вспышках получается в случае порогового режима ионно-звуковой турбулентности [4, 5]. При этом

данная турбулентность должна развиваться из соответствующей неустойчивости с предельно низким порогом возбуждения, иначе ВТТС не сможет обеспечить необходимой мощности, выделяемой во вспышке [5, 15]. В роли таких «триггеров» обычно использовались градиентные плазменные неустойчивости [5]. В режиме насыщения ионно-звуковой турбулентности, как показали расчеты [5, 15], могут достигаться еще большие, чем в пороговом режиме, скорости магнитного пересоединения и мощности энерговыделения ВТТС [4].

В относительно плотной и «холодной» предвспышечной плазме вблизи основания петли, где ее токовый контур находится в области, соответствующей по высоте нижней хромосфере и переходному слою, роль такого низкопорогового триггера может взять на себя ионно-звуковая неустойчивость, вызванная наличием слабого субдрейсеровского поля [8, 11, 15]. При этом, как это было показано в работах [5, 11], для построения самосогласованной и реалистичной модели процесса одинаково важными являются граничные (пороговые) значения и амплитуды квазистатического электрического (субдрейсеровского) поля, и степень неізотермічності плазми (т. е. значение отношения электронной температуры к ионной).

Модель вспышки «со всплывающим магнитным потоком» Хейвартса — Приста — Раста [9], предложенная более тридцати лет назад, по-прежнему остается наиболее популярной. В качестве одного из важнейших элементов в ней выступает предположение о наличии фазы «предварительного нагрева», которая предваряет начало импульсной фазы. Во время этого «разогрева», как следует из оценок, полученных авторами, в плазме возникает бунемановская неустойчивость, переводящая плазму в турбулентное состояние. Плазма быстро нагревается, электронная температура стремительно опережает в своем росте ионную, что приводит к зарождению ионно-звуковой неустойчивости, также быстро переходящей в ионно-звуковую турбулентность, столь необходимую для образования ВТТС [1, 4, 5]. Существенным недостатком такого сценария является то, что образовавшиеся токовые слои должны быть неправдоподобно тонкими, меньше одного метра толщиной, тогда как их длина и ширина должны быть на 6—7 порядков больше [4, 5]. В результате энергии в таком «накопителе» будет существенно меньше, чем освобождается во время вспышки [6—8, 15]. Наиболее популярные подходы для решения проблемы — это поиск модели ВТТС либо с существенно большей толщиной, в которой перекроется энергетический дефицит за счет увеличения объема области пересоединения [4, 6, 7, 9], либо с низким порогом возбуждения неустойчивости (а следовательно, и турбулентности), чтобы необходимая энергия успела накопиться за увеличенное таким образом время жизни токового слоя [5, 6, 15]. Так, в свое время в работах [4, 5] в качестве возможного триггера турбулентности были предложены различные дрейфовые неустойчивости с экстремально низкими порогами возбуждения.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИСПОЛЬЗУЕМОЙ КОНЦЕПЦИИ

Исследования, проведенные в работах [10—12], позволили не только получить достаточно полную картину процесса зарождения и развития неустойчивостей различных типов волн в предвспышечной плазменной атмосфере АО, но и сформулировать оригинальную концепцию ис-

следования этих мелкомасштабных неустойчивостей [10, 11]. В ее основе лежит экспериментально обнаруженный факт — дополнительное штарковское уширение линий H_{β} бальмеровской серии с большими номерами ($N \geq 8$) [8], что было интерпретировано [6, 8, 15, 17] как проявление действия слабого крупномасштабного электрического поля, существующего и «квазистатически медленно» изменяющегося в отдельных частях атмосферы АО на протяжении достаточно длительных промежутков времени. Использование в качестве вышеупомянутых частей атмосферы АО относительно небольших участков вспышечных петель вблизи их основания, которые приблизительно соответствуют ниже-средней хромосфере, позволяет эффективно и обоснованно использовать некоторые полезные приближения [1, 12]. Так, в рассматриваемом диапазоне высот над уровнем фотосферы

$$600 \leq h \leq 1400 \text{ км} \quad (1)$$

плазму на вполне законных основаниях можно считать «плотной» и «холодной»:

$$3 \cdot 10^{10} \text{ см} \leq n_e = n_i \leq 5 \cdot 10^{11} \text{ см}, \quad (2)$$

$$5000 \text{ К} \leq (T_e)_0 = (T_i)_0 \leq 8000 \text{ К}. \quad (3)$$

В соотношениях (2)—(3) $n_e = n_i = n$ есть плотность заряженных частиц плазмы, а само равенство $n_e = n_i$ есть условие ее квазинейтральности [1]. Для низкочастотных колебаний и волн в плазме это условие всегда выполняется с большим запасом [1]. Условие $(T_e)_0 = (T_i)_0$ для ионной и электронной температур можно рассматривать в некотором смысле как начальное для процесса развития ионно-звуковой неустойчивости, поскольку известно, что ионно-звуковая волна, генерируемая этой неустойчивостью, тем слабее затухает, чем более неизотермичной является плазма, т. е. должно выполняться условие

$$T_e = \Theta T_i, \quad (4)$$

где $\Theta \geq 3$ [1]. Для «обычной», классической плазмы без внешних электромагнитных полей ($\mathbf{E}_0 = 0$, $\mathbf{B}_0 = 0$) выполняется соотношение для частот взаимных столкновений заряженных частиц [1, 16]

$$v_{ee} \gg v_{ei} \gg v_{ii}, \quad (5)$$

где индексами «e» и «i» обозначены электроны

и ионы соответственно. При «включении» внешнего магнитного поля ($\mathbf{B}_0 \neq 0$) и параллельного ему слабого электрического поля ($\mathbf{E}_0 \neq 0$) соотношение (5) несколько изменится. Из общих соображений ясно (хотя эта гипотеза требует отдельного серьезного исследования), что «выстроившиеся» вдоль направления полей и движущиеся друг навстречу другу электроны и ионы будут чаще сталкиваться с частицами противоположного знака, чем с частицами одного знака. Поэтому, если дополнительно будет выполняться условие

$$v_{ei} \gg v_{0e}, v_{0i}, \quad (6)$$

связывающее частоту электронно-ионных столкновений v_{ei} с частотами v_{0e} и v_{0i} столкновений заряженных частиц с нейтральными атомами, то суммарный вклад всех видов столкновений в модельный интеграл БГК [1], стоящий в правой части уравнения Больцмана, можно записать символически в виде

$$\sum_{\alpha, \beta} v_{\alpha, \beta} = \sigma v_{e, i}, \quad (\alpha, \beta = e, i), \quad (7)$$

где числовой параметр σ изменяется в пределах

$$1 \leq \sigma \leq \sigma_{\max} \quad (8)$$

и фактически является свободным параметром задачи. Значение $\sigma=1$ соответствует ситуации, максимально благоприятной для развития неустойчивости, когда электронно-ионные столкновения полностью доминируют в плазме, а значение $\sigma = \sigma_{\max}$ соответствует ситуации, когда зародившаяся неустойчивость полностью подавляется кулоновскими столкновениями [10, 11]. Подобный феноменологический подход является вполне корректным с точки зрения исследования устойчивости волн [1, 11, 16] в плазме, однако он, конечно, не является достаточно строгим с точки зрения микрофизики процесса диссипации энергии этих волн.

Условие слабости крупномасштабного электрического поля, предложенное Пайнсом и Шриффером [16]

$$\frac{e|\mathbf{E}_0|}{k_z k_B T_\alpha} \ll 1 \quad (\alpha = e, i) \quad (9)$$

для плазмы с плотностью и температурой, изменяющимися в интервалах (2) и (3), является ме-

нее жестким, чем условие

$$\varepsilon_R \equiv \frac{E_0}{E_D} = \frac{u_e}{v_{Te}} \ll 1, \quad (10)$$

использованное в работах [11, 15]. В соотношениях (9) и (10) E_0 — амплитуда квазистатического электрического поля в плазме, E_D — амплитуда локального дрейсеровского поля [1], e — заряд электрона, v_{Te} — электронная тепловая скорость, k_B — константа Больцмана, k_z — продольная (вдоль полей $\mathbf{E}_0 \parallel \mathbf{B}_0$) составляющая волнового вектора возмущения. Отметим, что условие (10) прямо противоположно условию появления бунемановской неустойчивости [1]. Поля, удовлетворяющие этому условию, получили название «субдрейсеровских» [15].

В соотношении (10) u_e есть токовая скорость электронов относительно считающихся неподвижными ионов, причем

$$u_e = \frac{eE_0}{m_e v_{ei}}. \quad (11)$$

Как обычно, для ионно-звуковых волн выполняется условие

$$v_{Ti} \ll \left| \frac{\omega}{k_z} - u_e \right| \ll v_{Te}, \quad (12)$$

где v_{Ti} — тепловая скорость (однозарядных, т. е. $Z=1$) ионов. В расчетах предполагалось, что поправки, связанные с учетом столкновений, не вносят существенных искажений в стандартный закон дисперсии [1]:

$$\omega_r^2 = \frac{k_z^2 v_s^2}{1 + k_L^2}, \quad k_L \equiv k_z d_e \leq 2\pi. \quad (13)$$

Здесь ω_r — действительная часть частоты, v_s — скорость ионного звука [1], d_e — дебаевский электронный радиус [1]. Вторая часть соотношения (13) означает, что плазменное приближение хорошо работает только для таких волновых возмущений, у которых длина волны превышает дебаевский радиус [1]. Кривизной и кручением магнитных силовых линий можно пренебречь лишь в том случае [12], когда выполняется соотношение

$$\sqrt{\frac{\beta_i}{8}} \ll \frac{|k_z| \rho_i}{\varepsilon_R \beta_A}, \quad \beta_A \equiv \frac{v_{Te}}{v_A}. \quad (14)$$

Здесь $\beta_i = \frac{8\pi k_B T_i}{B_0^2}$ — ионное «плазменное бета» [1], $\rho_i = \frac{v_{Ti}}{\Omega_i}$ — ионный циклотронный радиус; Ω_i — ионная циклотронная частота. Для плазмы с характеристиками (2) и (3) неравенство (14) выполняется всегда в области действия «килогауссовых» магнитных полей $\mathbf{B}_0$ [17], где альвеновская скорость v_A достаточно велика. Для ионно-звуковых плазменных волн, распространяющихся в плазме с кулоновскими столкновениями, величина магнитного поля роли не играет [1]. А вот при распространении волны на фоне бернштейновской (например) турбулентности, когда основная потеря импульса электронами происходит на ее пульсациях, выполнение или невыполнение критерия (14) становится важным моментом в исследовании. При распространении ионно-звуковых волн вблизи центральной области поперечного сечения петли плазму с хорошей степенью точности можно считать однородной. Слабая неоднородность как температуры, так и плотности проявляется только при приближении к пространственной границе между более плотной плазмой тела петли и окружающей атмосферой АО. Пренебречь влиянием границ можно при условии выполнения критерия Михайловского [1]

$$(k_{\perp} L)^{-1} \ll \sqrt{\frac{m_e}{m_i}} \frac{1}{\beta_i}, \quad (15)$$

где m_i — масса однозарядного иона, L — характерный пространственный размер неоднородности, $k_{\perp}$ — перпендикулярная составляющая волнового вектора $\mathbf{k}$ ($k^2 \equiv k_z^2 + k_{\perp}^2$). Для чисто продольной волны, каковой является ионно-звуковая (ИЗ) волна, $k_{\perp} = 0$ и критерий (15) выполняется автоматически. И наконец, весьма важным моментом при исследовании данной неустойчивости оказалось условие, позволяющее не учитывать влияние создаваемого электрическим полем потока «убегающих» электронов [1]. При выполнении критерия (10) отношение числа «убежавших» электронов к общему их числу можно оценить с помощью достаточно простой формулы [1]

$$\frac{N_{y\delta}}{N_e} \approx \frac{1}{2\pi} \exp(-\varepsilon_R^{-1}). \quad (16)$$

Фактически соотношение (16) позволяет оценить верхний предел для величины $\varepsilon_R \ll 1$. Нетрудно убедиться в том, что при $\varepsilon_R \geq 0.2$ величина $N_{y\delta} / N_e \sim 10^{-3}$, а в этом случае пренебречь влиянием обычной пучковой неустойчивости уже нельзя. Таким образом, если в предвспышечной плазме для какого-либо типа волны порог возбуждения неустойчивости по амплитуде субдрейсеровского поля составляет, например, $(\varepsilon_R)_{\text{пр}} = 0.15$, что формально вполне отвечает условию (10) ($\varepsilon_R \ll 1$), то это означает, что с точки зрения общей концепции исследований, все расчеты будут выполняться на пределе применимости используемых приближений. И конечно, особое значение приобретает поиск возможностей и путей понижения этого порога именно в рамках используемой концепции.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСЧЕТОВ И ОБСУЖДЕНИЕ

Дисперсионное уравнение для ионно-звуковых волн в плазме с внешним слабым электрическим полем было впервые получено в работе [16] для твердотельной плазмы полупроводников. Его различные модификации для «обычной» лабораторной плазмы можно найти в монографии [1]. В виде, пригодном для использования в предвспышечной плазме, и с учетом вклада всех типов парных кулоновских столкновений в рамках оригинальной концепции исследований это уравнение было получено в работе [11]. Оно имеет вид

$$D_E^{m3}(\omega, \mathbf{k}) = \text{Re } D_E^{m3}(\omega, \mathbf{k}) + i \text{Im } D_E^{m3}(\omega, \mathbf{k}) = 0,$$

где

$$\text{Re } D_E^{m3}(\omega, \mathbf{k}) = 1 + x_e^2(1 - y_e^2) - \frac{x_i^2}{y_i^2} \left(1 + \frac{3}{y_i^2} \right),$$

$$\text{Im } D_E^{m3}(\omega, \mathbf{k}) =$$

$$= x_e^2 \left\{ \sqrt{\frac{\pi}{2}} y_e \exp\left(-\frac{y_e^2}{2}\right) - \frac{eE_0}{k_z k_B T_e} \right\} + \\ + \frac{x_i^2}{y_i^2} \left\{ \tilde{v} + \sqrt{\frac{\pi}{2}} y_i^3 \exp\left(-\frac{y_i^2}{2}\right) + \frac{3eE_0}{m_i \omega^2} \right\},$$

причем

$$x_{\alpha} \equiv \frac{\omega_{p\alpha}}{k_z v_{T\alpha}} \quad (\alpha = e, i),$$

$$y_\alpha \equiv \frac{\omega - k_z u_\alpha}{k_z v_{T\alpha}},$$

$$u_e \equiv \frac{eE_0}{m_e v_{ei}} (u_i \equiv 0).$$

В расчетах предполагалось, что

$$\tilde{v} = \frac{v_{ei}}{\omega} \sigma$$

в ситуации, максимально благоприятной для развития неустойчивости, и что

$$\tilde{v} = \frac{8 k_z^2 v_{Ti}^2 v_{ii}}{5 \omega^2} + \frac{v_{ei}}{\omega} \sigma$$

в противоположном случае.

Инкремент развития неустойчивости определялся по стандартной формуле [1]

$$\delta = - \frac{\text{Im } D_E^{ИЗ}(\omega, \mathbf{k})}{\left. \frac{\partial}{\partial \omega} \text{Re } D_E^{ИЗ}(\omega, \mathbf{k}) \right|_{\omega=\omega_r}},$$

где ω_r определяется по формуле (13). В единицах плазменной частоты ω_{pe} инкремент имеет вид [11]

$$\frac{\delta}{\omega_{pe}} = \sqrt{\frac{\pi}{8}} \mu k_L \frac{G_E}{P_E},$$

где

$$\mu \equiv \sqrt{m_e / m_i} \approx 0.0233,$$

$$G_E = - \left(\frac{2k_*}{\pi} \right)^{1/2} \frac{\{\varepsilon_R \mu (2 + 6k_L^2 + 3k_L^4) + \sigma k_*^{3/2}\}}{\omega_{pe} k_L \mu} v_{ei} -$$

$$- \Theta^{3/2} \exp\left(-\frac{\Theta}{2k_*}\right) +$$

$$+ (\varepsilon_R k_*^{1/2} - \mu) \exp\left\{-\frac{1}{2}(\mu k_*^{1/2} - \varepsilon_R)^2\right\}, \quad (17)$$

$$P_E = k_*^2 \{1 + 6k_* \Theta^{-1}\} + \mu (\varepsilon_R k_*^{1/2} - \mu).$$

Здесь использовано обозначение

$$k_* = 1 + k_L^2.$$

Частота электронно-ионных столкновений v_{ei} определялась по стандартной формуле [1], где величина кулоновского логарифма «обрезания» $\ln \Lambda$ изменялась в зависимости от плотности и температуры плазмы в пределах от 13 до 19. В случае развития ионно-звуковой неустойчи-

вости на фоне насыщенной бернштейновской турбулентности величину v_{ei} в формуле (17) заменяла эффективная частота столкновений $v_{эф}$ электронов с пульсациями турбулентности. В используемых обозначениях она определяется выражением [11]

$$v_{эф} = 10^{-1} \Omega_e \left(\frac{u_e}{v_{Te}} \right) = \frac{\Omega_e \varepsilon_R^2}{10}.$$

Вычисления инкрементов развития ионно-звуковой неустойчивости были проведены для четырех модификаций модели атмосферы FAL [7], а именно FAL F(1)_p, FAL F(2)_p, FAL E(1)_p и FAL E(2)_p. Как известно, различия между моделями FAL, учитывающими процесс диффузии гелия, и ранее использовавшимися в расчетах моделями атмосферы MAVN [13] и VAL [18], увеличиваются с увеличением высоты над уровнем фотосферы. В данной работе были использованы модификации модели FAL [7], соответствующие по высоте нижней и верхней границе интервала (1) исследуемого участка токового контура петли. Основные физические характеристики предвспышечной плазмы в ниже-средней области хромосферы АО приведены в табл. 1.

Учитывая традиционные трудности в определении значения полного вектора магнитного поля в хромосфере [4, 6, 9, 13, 17], в расчетах предполагалось, что исследуемый участок токового контура петли находится в области «килогауссовых» (по терминологии С. Шоланки [17]) полей «квазидипольного» типа, т. е. с высотой напряженность магнитного поля уменьшается. Результаты расчетов приведены в табл. 2 и 3, причем в табл. 2 приведены граничные значения основных характеристик ионно-звуковой неустойчивости при полном доминировании в плазме электронно-ионных парных кулоновских столкновений, т. е. в ситуации, максимально благоприятной для возникновения и развития неустойчивости.

Символом $\Gamma_{1(+)}$ обозначено «первое положительное» значение приведенного инкремента $\Gamma \equiv \frac{\delta}{\omega_{pe}}$, появляющееся при переходе поверхности $\Gamma = \Gamma(\Theta, k_L)$ через линию $\Gamma = 0$ и выходе в положительное полупространство. Наличие

линии $\Gamma = 0$ свидетельствует о возможности перехода процесса развития неустойчивости (или процесса затухания волн) в режим непрерывной генерации незатухающих ионно-звуковых колебаний малой амплитуды (т. е. незначительно превышающей уровень тепловых шумов). Малость значений величины $\Gamma_{1(+)}$ свидетельствует о том, что переход этот происходит «плавно», без резких скачков, а колебательный процесс по обе стороны разделяющей линии $\Gamma = 0$ является высокочастотным, т. е. инкремент (декремент) развития неустойчивости намного меньше основной частоты. Это означает, что на временном интервале, соответствующем линейной стадии развития возмущения, умещается большое количество периодов волн, и то, что данный про-

цесс может быть надежно идентифицирован именно как волновой [1]. Анализ результатов вычислений, приведенных в табл. 2, показывает, что «классическая» (т. е. без учета кинетических эффектов) ионно-звуковая неустойчивость в предвспышечной плазме петли с кулоновской проводимостью может развиваться только на максимальных высотах, вблизи верхней границы выбранного интервала, да и то с трудом. Граничные значения величин ε_R и k_L указывают на то, что данная модель процесса работает вблизи границ применимости используемых приближений, а граничные значения степени неизотермичности плазмы $\Theta_{\text{rp}} = 15$ и $\Theta_{\text{rp}} = 17$ свидетельствуют о том, что за счет только обычного Джоулева нагрева «раскачать» такую неустойчи-

Таблица 1. Физические характеристики предвспышечной плазмы на ниже-хромосферном участке токового контура петли в активной области

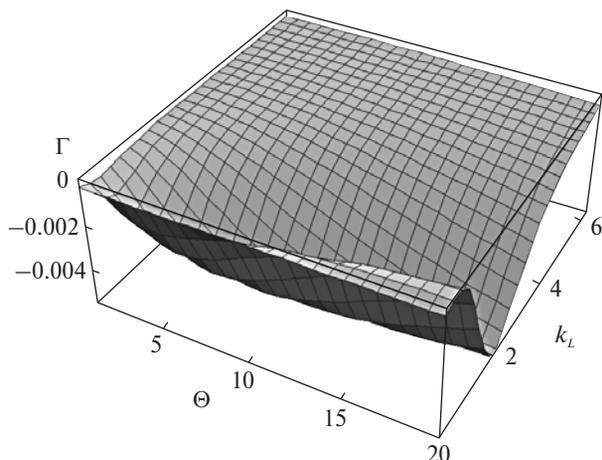
Модель атмосферы	$n_e, 10^{11} \text{ см}^{-3}$	$(T_e)_0 = (T_i)_0, \text{ K}$	$B_0, \text{ мТл}$	$h, \text{ км}$	$\omega_{pe}, 10^{10} \text{ с}^{-1}$	$\Omega_e, 10^{10} \text{ с}^{-1}$	$v_{ei}, 10^7 \text{ с}^{-1}$
FAL F(1) _p	2.5	5220	321	650	2.81	5.64	2.56
FAL F(2) _p	3.02	5480		700	3.10		2.89
FAL E (1) _p	4.79	7420	145	1380	3.80	2.56	1.23
FAL E (2) _p	0.31	6150		1375	0.97		0.093

Таблица 2. Граничные значения основных характеристик ионно-звуковой неустойчивости при доминировании в плазме электронно-ионных столкновений ($\sigma_{\text{ка}} = 1$)

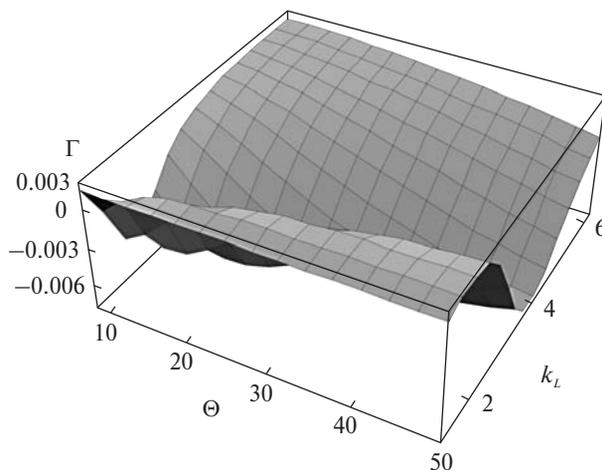
Модель атмосферы	$h, \text{ км}$	$(\varepsilon_R)_{\text{rp}}$	$(k_L)_{\text{rp}}$	$\Theta = (T_e/T_i)_{\text{rp}}$	$\Gamma_{1(+) \text{ min}}$
FAL E (1) _p	1380	0.1	0.21	17	$8.20 \cdot 10^{-7}$
FAL E (2) _p	1375	0.1	0.11	15	$1.25 \cdot 10^{-5}$

Таблица 3. Граничные значения основных характеристик развития ионно-звуковой неустойчивости на фоне насыщенной бернштейновской турбулентности ($\sigma_{\text{эф}} = 1$)

Модель атмосферы	$h, \text{ км}$	$(\varepsilon_R)_{\text{rp}}$	$(k_L)_{\text{rp}}$	$\Theta = (T_e/T_i)_{\text{rp}}$	$\Gamma_{1(+) \text{ min}}$
FAL F(1) _p	650	0.1	0.21	16	$2.56 \cdot 10^{-5}$
FAL F(1) _p	650	0.03	0.11	19.8	$2.09 \cdot 10^{-7}$
FAL F(2) _p	700	0.03	0.11	19.7	$1.48 \cdot 10^{-7}$
FAL E(2) _p	1375	0.1	0.21	15.9	$4.37 \cdot 10^{-7}$
FAL E(2) _p	1375	0.08	0.21	13.3	$1.5 \cdot 10^{-5}$
FAL E(2) _p	1375	0.07	0.21	16.1	$6.2 \cdot 10^{-5}$
FAL E(2) _p	1375	0.05	0.11	16.9	$7.36 \cdot 10^{-9}$
FAL E(2) _p	1375	0.04	0.11	17.8	$1.75 \cdot 10^{-7}$
FAL E (2) _p	1375	0.03	0.11	20	$3.47 \cdot 10^{-8}$
FAL E (1) _p	1380	0.029	0.11	19.7	$1.94 \cdot 10^{-7}$

Рис. 1. Относительный (приведенный) инкремент развития ионно-звуковой неустойчивости для модели FAL E(2)_p при $(\epsilon_R)_{гр} = 0.10$; $\sigma_{кл} = 1$; $\Theta_{гр} = 15$ и $(k_L)_{гр} = 0.11$

Рис. 2. Относительный инкремент развития ионно-звуковой неустойчивости для модели MAVN F1 при $(\epsilon_R)_{гр} = 0.08$; $\sigma_{эф} = 1$; $\Theta_{гр} = 16$ и $(k_L)_{гр} = 0.21$. Первое положительное значение инкремента в верхнем полупространстве $\Gamma_{1(+)} = 2.88 \cdot 10^{-6}$. Развитие ионно-звуковой неустойчивости происходит на фоне насыщенной бернштейновской турбулентности

ность невозможно. Вид поверхности приведенного инкремента $\Gamma_{1(+)} = \Gamma(k_L, \Theta)$ для данного случая приведен на рис. 1.

Как же изменяется процесс развития неустойчивости при переходе к исследованию ее развития на фоне насыщенной бернштейновской турбулентности? Как видно из данных, приве-

денных в табл. 3, процесс остается высокочастотным, и граничные значения величин k_L и Θ изменяются незначительно. При этом весьма значительно изменяются граничные значения величин ϵ_R (порог возбуждения по амплитуде электрического поля), и данная неустойчивость появляется на предельно низких высотах, вблизи нижней границы выбранного интервала, т. е. там, где ее раньше не было. Граничные значения основных характеристик развития неустойчивости для этого случая приведены в табл. 3. Хорошо видно, что уменьшение порога возбуждения неустойчивости возможно лишь при повышении степени неизотермичности плазмы. При этом топология поверхности приведенного инкремента $\Gamma_{1(+)} = \Gamma(k_L, \Theta)$ остается той же, а внешний вид изменяется незначительно, что отчетливо видно на рис. 2.

Весьма интересным, на наш взгляд, результатом является то, что полученный интервал изменения граничных значений степени неизотермичности плазмы Θ

$$13.3 \leq \Theta_{гр} \leq 20$$

существенно перекрывается с интервалом

$$8.1 \leq \Theta \leq 16,$$

полученным в работе [5] и соответствующим области тепловой неустойчивости токового слоя.

Суммируя все полученные результаты, можно сделать следующие выводы.

Развитие ионно-звуковой неустойчивости в предвспышечной плазме с кулоновской проводимостью возможно лишь вблизи верхней границы выбранного интервала высот, где различия между моделями солнечной атмосферы MAVN и VAL с одной стороны, и моделью FAL — с другой стороны, являются максимальными. При этом возбуждаемая неустойчивость является мелкомасштабной, поскольку граничная длина волны возмущения изменяется в интервале от 30 до 60 дебаевских радиусов. Пороговые значения субдрейсеровского электрического поля $(\epsilon_R)_{гр} \approx 0.1$ существенно ниже обычных пороговых значений токовых неустойчивостей, и прежде всего бунемановской, однако с точки зрения используемой концепции исследований находятся на пределе используемых приближений. Граничные значения параметра Θ , т. е.

степени неизотермичности плазмы, таковы, что достичь их с помощью обычного джоулева нагрева представляется маловероятным. При этом с формальной точки зрения процесс зарождения и развития ионно-звуковой неустойчивости является высокочастотным, т. е. может быть надежно идентифицирован именно как волновой процесс, а наличие разделяющей линии нулевого инкремента свидетельствует о возможности генерации незатухающих ионно-звуковых волн малой амплитуды.

При переходе от предвспышечной плазмы с кулоновской проводимостью к плазме с насыщенной бернштейновской турбулентностью картина развития неустойчивости во многом остается практически без изменений. Основных отличий всего два, но оба они достаточно существенные. Во-первых, в данном случае неустойчивость может возникнуть и развиваться не только на верхней, но и на нижней границе исследуемого интервала высот. Во-вторых, при переходе к плазме с насыщенной бернштейновской турбулентностью порог возбуждения неустойчивости по амплитуде субдрейсеровского поля может уменьшиться почти в четыре раза. Это важно с точки зрения увеличения толщины предвспышечного токового слоя, т. е. увеличения его «энерговместимости». Однако это возможно только при условии увеличения степени неизотермичности плазмы. Таким образом, вопрос о дополнительных источниках нагрева плазмы остается. Возможно, что для его решения можно использовать, хотя бы на качественном уровне, соображения, высказанные в свое время авторами работ [4, 5]. По их мнению, в данном случае необходим учет диссипативных эффектов, связанных с наличием в предвспышечном слое продольной (по отношению к протекающему в нем току) составляющей магнитного поля. Она может «накапливаться» при сжатии плазмы внутри слоя [5]. Это может привести к появлению электрического тока, циркулирующего вокруг слоя в его поперечном сечении. В условиях конечной проводимости, т. е. при нарушении условия «вмороженности», этот дополнительный ток диссипирует и создает дополнительный джоулев нагрев в слое, и его окрестности. Однако этот на-

грев осуществляется за счет аннигиляции главных (т. е. пересоединяющихся) составляющих, а не за счет «сгенерированного» сжатием плазмы продольного поля. Для обычных классических ВТТС, где, как правило, сжатие плазмы невелико, этот эффект мал, но он может быть важен для холодных и плотных токовых слоев в предвспышечном состоянии.

То, что граничные значения степени неизотермичности плазмы, необходимые для появления ионно-звуковой неустойчивости, попадают частично в область неустойчивости тепловой, может оказаться важным моментом в формировании существенно трехмерной структуры токового слоя перед вспышкой. А это, в свою очередь, может стать одним из основных пунктов при построении нестационарных моделей пересоединения.

1. Александров А. Ф., Богданкевич Л. С., Рухадзе А. А. Основы электродинамики плазмы. — М.: Высш. шк., 1989. — 424 с.
2. Резникова В. Э., Мельников В. Ф., Горбиков С. П., Шибасаки К. Динамика распределения радиояркости вдоль вспышечной петли // Сб. тез. конф. «Физика плазмы в солнечной системе», Москва, 5—8 февраля 2008 г. — М.: ИКИ РАН, 2008. — С. 17.
3. Резникова В. Э., Мельников В. Ф., Шибасаки К. Эволюция распределения радиояркости вдоль протяженных вспышечных петель // Тез. докл. науч. конф. памяти М. Т. Тереховой (Нижний Новгород, 7 мая 2007 г.). — Нижний Новгород: ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет», УНЦ «Фундаментальная радиофизика», 2007. — С. 17—18.
4. Сомов Б. В. Солнечные вспышки // Итоги науки и техники / ВИНТИ. Астрономия. — 1987. — 34. — С. 78—135.
5. Сомов Б. В., Титов В. С., Вернетта А. И. Магнитное пересоединение в солнечных вспышках // Итоги науки и техники / ВИНТИ. Астрономия. — 1987. — 34. — С. 136—237.
6. Aschwanden M. I. An evaluation of coronal heating model for active regions based on Yohkoh, SOHO and TRACE observations // *Astrophys. J.* — 2001. — 560, N 2. — P. 1035—1043.
7. Fontenla J. M., Avrett E. H., Loeser R. Energy balance in solar transition region. III. Helium emission in hydrostatic, constant-abundance models with diffusion // *Astrophys. J.* — 1993. — 406, N 1. — P. 319—345.
8. Foukal P., Hinata S. Electric fields in the solar atmosphere: a review // *Solar Phys.* — 1991. — 132, N 1. — P. 307—330.

9. *Heyvaerts J., Priest E., Rust D.* An emerging flux model for the solar flare phenomenon // *Astrophys. J.* — 1977. — **216**, N 1. — P. 213—221.
10. *Kryshstal A. N.* Bernstein-wave instability in a collisional plasma with a quasistatic electric field // *J. Plasma Phys.* — 1998. — **60**, Part 3. — P. 469—484.
11. *Kryshstal A. N., Gerasimenko S. V., Voitsekhovska A. D.* «Oblique» Bernstein modes in solar preflare plasma: generation of second harmonics // *Adv. Space Res.* — 2012. — **5**, N 4. — P. 791—796.
12. *Kryshstal A. N., Kucherenko V. P.* Ion-acoustic instability caused by large-scale electric field in solar active regions // *Solar Phys.* — 1996. — **165**. — P. 139—153.
13. *Machado M. E., Avrett E. H., Vernazza J. E., Noyes R. W.* Semiempirical models of chromospheric flare regions // *Astrophys. J.* — 1980. — **242**, N 1. — P. 336—351.
14. *Melnikov V. F., Shibasaki K., Reznikova V. E.* Loop-Top Nonthermal Microwave Source in Extended Solar Flaring Loops // *Astrophys. J.* — 2002. — **580**. — P. L.185—L188.
15. *Miller I. A., Cargil P. I., Emslie A. G., et al.* Critical issues for understanding particle acceleration in impulsive solar flares // *J. Geophys. Res.* — 1997. — **102**, N A7. — P. 14631—14659.
16. *Pines D., Schrieffer J. R.* Collective behavior in solid-state plasmas // *Phys. Rev.* — 1961. — **124**, N 5. — P. 1387—1400.
17. *Solanki S. K.* Small-scale solar magnetic fields: an overview // *Space Sci. Revs.* — 1993. — **63**. — P. 1—183.
18. *Vernazza J. E., Avrett E. H., Loeser R.* Structure of solar chromosphere. III. Models EUV brightness components of the quiet Sun // *Astrophys. J. Suppl. Ser.* — 1981. — **45**. — P. 635—725.

Надійшла до редакції 06.02.12

A. N. Kryshstal, S. V. Gerasimenko, A. D. Voitsekhovska

TO THE PROBLEM OF POSSIBILITY
OF APPEARANCE OF PREFLARE
CURRENT SHEETS IN THE CHROMOSPHERE
OF ACTIVE REGION

Conditions of the appearance and development of ion-acoustic instability in preflare plasma of a loop structure in solar active region have been investigated. The investigations were conducted in the framework of a semiempirical FAL (Fontenla-Avrett-Loeser) model of solar atmosphere. Subdreicer electric field together with parallel to it magnetic «kilogauss» field are supposed to be present in the region of current loop near its foot-point. It is shown that small-scale ion-acoustic instability with low threshold of excitation in the units of amplitude of subdreicer field can arise in investigated region before the phase of «pre-heating». It has been demonstrated that in the framework of the concept used, reducing of the threshold of excitation of instability is possible only when the degree of non-isothermality of plasma increases.